

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ “МИРОСИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ”

В статье анализируются особенности и перспективы социокультурных процессов в контексте “миросистемной теории” И. Валлерстайна. Отмечается, что в условиях, когда современный глобальный капиталистический мир-экономика вступил в период кризиса, ведущей формой социальной организации становится не “социальный класс”, а “этнонация”. Раскрываются особенности “геокультуры” как понятия и как феномена современной миросистемы. Делается вывод, что наиболее вероятным сценарием развития современного глобального мира является не дезинтеграция, а трансформация мира-экономики в мир-империю.

Введение

Среди современных научных направлений в социальных и гуманитарных науках особое место занимает “миросистемная теория”, классиками которой принято считать Иммануэля Валлерстайна, Андре Гундер Франка и Самира Амина. Как научное направление школа миросистемного анализа опирается на работы представителей “западного марксизма” (Роза Люксембург, Антонио Грамши, Дьердь Лукач) и второго поколения “Школы Анналов” (Фернан Бродель) [1, с. 6-7]. К “миросистемной теории” тесно примыкают историко-геополитические исследования американских ученых Джорджа Модельски и Джошуа Гольдстайна, анализирующих проблемы политической гегемонии в мировом масштабе. В качестве основного научного оппонента для теории миросистемного анализа выступает фундированная принципом необратимости линейная теория “стадий роста” (традиционное – индустриальное – постиндустриальное общество) Уолта Ростоу и Реймона Арона.

Не скрывающая своей генетической связи с марксизмом “миросистемная теория” долго воспринималась в постсоветском интеллектуальном пространстве

как еще одна версия “обанкротившегося” марксистского учения. Лишь в начале XXI в. “миросистемная теория” начинает привлекать внимание отечественных ученых. Речь идет о популяризации Б.Ю. Кагарлицким и Н.С. Розовым работ основоположника данной научной школы И. Валлерстайна, об отдельных исследованиях миросистемной теории Б.Л. Иноземцевым и А.Б. Рахмановым и попытке рецепции и концептуализации предложенного И. Валлерстайном понятия “геокультура” в работах В.Н. Кузнецова [1, с. 3-10; 2; 3].

Представляется, что, несмотря на свою несомненную ангажированность в левое общественное движение, школа миросистемного анализа обладает не только ретроспективным эвристическим потенциалом относительно становления и особенностей развития современной капиталистической миросистемы, но и прогностическими возможностями относительно будущего развития человечества. При этом она остается малоизвестной отечественным исследователям. В статье на основе работ И. Валлерстайна предпринята попытка не только раскрыть, но и спрогнозировать ведущие тенденции современных социокультурных процессов.

Научные поиски И. Валлерстайна фундированы осознанным “историческим экономизмом”. Ученый подчеркивает, что собственно научный анализ в социально-гуманитарной сфере возможен только относительно “исторических (социальных) систем”, связанных если не с определенным способом производства, то, как минимум, с определенным способом жизнеобеспечения. И. Валлерстайн выделяет два типа таких “исторических систем”.

- “Мини-система” – “объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки”. По сути, это были “основанные на экономике взаимности” очень простые аграрные коллективы или общины охотников и собирателей. Большинство из них рано или поздно через системы уплаты дани утратили “самодостаточное разделение труда” и были интегрированы в состав различных империй, что знаменовало собой переход к “более широкой распределительной экономике” [1. с. 24]. Поэтому для И. Валлерстайна в обозримую историческую эпоху говорить об автаркии “мини-систем” как “целостных объектов научного анализа” уже не приходится. Все они, так или иначе, включены в состав больших “миросистем”.

- “Миросистема” – “общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем”. Существуют две разновидности такой миросистемы: мир-империя и мир-экономика. Мир-империя рассматривается И. Валлерстайном как “разновидность миросистемы с общей политической системой” и “перераспределительной экономической основой”, в то время как мир-экономика – это разновидность миросистемы с “единым экономическим целым, где экономика является ведущей сферой общественной деятельности, а общая политическая система отсутствует”. Показательно, что обе разновидности “миросистемы” лишены культурного единства.

Основная часть

Насколько позволяют судить тексты И. Валлерстайна, он считает, что в истории человечества “миросистемы” начинали формироваться преимущественно как “мир-экономики”, но неизбежно трансформировались в “мир-империи” (Египет, Рим, Китай). В этом американский ученый солидарен с мнением Ф. Броделя о том, что в “историческом забеге” между городом и государством, который периодически повторялся в разных частях света, к финишу первым

приходило государство, которое подчиняло себе (интегрировало и согласовывало) городские вольности и права [4, с. 91-92]. И. Валлерстайн отмечает, что для “перераспределительной экономики “мира-империи” “обмен прибавочной стоимостью внутри системы – игра с нулевой суммой” [1, с. 34], в то время как в рамках “мира-экономики” налицо стремление к извлечению прибыли. Возможно, именно в этом кроется причина нестабильности исторических “миров-экономик”. На несовершенном технологическом фундаменте традиционного (аграрного) общества они объективно не могли долговременно обеспечить стабильность и, тем более, рост прибыли. Лишь сильная политическая воля могла стабилизировать зависимую от природно-климатических колебаний и внешних вторжений “историческую (социальную) систему”. Если достигнуть этого не удавалось, то “миросистема” как таковая дезинтегрировалась. Поэтому, стремясь к исторической точности, И. Валлерстайн называет конкретные “миры-экономики” прошлого “прото-миры-экономики” Индийского океана и Западного Судана [1, с. 46].

В структуре любой “миросистемы” И. Валлерстайн выделяет три сферы.

- Центр (ядро, сердцевина) – центральная часть миросистемы, присваивающая себе большую часть прибавочной стоимости и концентрирующая в себе политическую власть в рамках всей “исторической (социальной) системы”. В центре “спектр видов экономической деятельности является самым широким”, а различия в стилях жизни значительны, вариативны, но относительно легко преодолимы [1, с. 44].

- Полупериферия – “буферная” зона миросистемы, которая является одновременно и эксплуатируемой, и эксплуатирующей. Она специализируется на менее широком спектре видов экономической деятельности, зачастую на менее доходных с точки зрения центра отраслях хозяйства. Например, предметы роскоши с их узким рынком сбыта или экологически небезопасные производства. И. Валлерстайн подчеркивает, что полупериферия – это явление преимущественно политического, нежели экономического плана. С точки зрения экономической целесообразности миросистема может существовать и без полупериферии, но политически это невозможно как для мира-империи, так и для мира-экономики.

- Периферия – наиболее зависимая зона миросистемы, которая имеет ярко выраженную узкую специализацию, чаще всего – сырьевую (добыча полезных ископаемых, монокультурное сельское хозяйство “банановых республик” и т.п.). Политически периферия – это наиболее слабая и эксплуатируемая зона миросистемы. Различия в стилях жизни верхов и низов здесь огромны.

Таким образом, И. Валлерстайн дополняет классический марксистский анализ “вертикального социального неравенства и эксплуатации” в рамках определенного общества “горизонтальным (пространственным) социальным неравенством и эксплуатацией” между различными регионами миросистемы.

“Мегатрендом” социокультурного развития современности И. Валлерстайн считает формирование и распространение капиталистического мира-экономики. Капитализм понимается И. Валлерстайном максимально широко – как социально-экономический строй, который “наиболее фундаментально определяется тенденцией к бесконечному накоплению капитала” [1, с. 103]. Капиталистический мир-экономика зародился в “долгом XVI веке” (1450 – 1640) и первоначально включал в себя Северо-Западную Европу в качестве центра, Средиземноморье [преимущественно европейское. – С.Д.] как полупериферию и западное полуша-

рие (обе Америки) и Восточную Европу в качестве периферии. К середине XIX в. он вобрал в себя все исторические системы: Оттоманский, Русский и Китайский миры-империи и протомиры-экономики Индийского океана и Западного Судана [1, с. 37-38]. Центр капиталистического мира-экономики не изменился. В состав полупериферии вошли, кроме традиционного Средиземноморья, три страны: США, Россия и Япония. Весь остальной мир стал эксплуатируемой периферией этой глобальной миросистемы. Отметим, что для И. Валлерстайна и Ф. Броделя становление капиталистического мира-экономики было закономерным, но не являлось неизбежным. Это результат уникального стечения исторических обстоятельств в “долгом XVI веке” [4, с. 74-75].

Таким образом, в XX в. у капитализма не только исчезли какие-либо актуальные исторические альтернативы, но даже потенциальные зоны экстенсивного развития за счет освоения и инкорпорации в состав миросистемы так называемых “внешних зон системы”, обмен с которыми является несущественным для сохранения самой “исторической системы”. Поэтому дальнейшая история капиталистического мира-экономики есть напряженная борьба за первенство внутри единственно возможной миросистемы. В результате этой борьбы США не только вошли в круг государств центра, но и заняли в нем позицию гегемона. Япония лишилась политических амбиций, но была включена в группу стран центра. СССР (с высоты сегодняшнего дня, скорее, “постсоветские республики”), несмотря на отчаянную коммунистическую попытку “ворваться” в группу стран центра, скатился с уровня полупериферии на уровень периферии [3, с. 88].

Уникальность современной ситуации, по И. Валлерстайну, состоит в том, что мы присутствуем при “начале конца” актуальной миросистемы. Исчерпавший как внутренние резервы, так и внешние возможности для дальнейшего развития капиталистический мир-экономика вступает в период своей дезинтеграции: “Мы верим, что современная миросистема вступила в эпоху “перехода”, что она стоит перед точкой бифуркации и перед периодом великих родовых мук и повсеместного хаоса и что в течение следующих 25-50 лет мир эволюционирует к новому структурному порядку, который, может быть, будет, а может и нет, лучше чем современная система, но, несомненно, будет иным” [1, с. 16].

Для И. Валлерстайна исторический процесс упорядочивается и структурируется не по модели “стадий роста”, через которые с разной скоростью проходят все страны мира. Он рассматривается как процесс формирования системы, конкретно капиталистической миросистемы, которая поглощает и инкорпорирует все другие социально-исторические системы и стратифицирует их в иерархию “центр – полупериферия – периферия”, пока “внешняя зона системы” не исчезает вовсе с лица Земли. В этой модели изначально никто не обещает всем акторам – “элементам системы” достижения центрального статуса “развитого государства”. Поэтому У. Ростоу для И. Валлерстайна ошибочен, а Р. Арон с его идеей конвергенции капитализма и социализма надуман. Ибо, по сути, СССР никогда не покидал границ капиталистического мира-системы, но занимал в нем место полупериферии [1, с. 22, 34]. Таковы концептуальные рамки, в границах которых ставятся и решаются социокультурные проблемы в теории миросистемного анализа. Социальные процессы рассматриваются как производные от разделения труда в рамках эволюционирующего капиталистического мира-системы, а культурные процессы – как “упорядочивающий фактор”, как своеобразный стабилизирующий систему нематериальный ресурс.

Анализируя социокультурные процессы, И. Валлерстайн формально сохраняет хорошо известную отечественным ученым из “советского марксистского дискурса” каузальную цепочку: экономика → социум → политика → культура. Однако уже на уровне социума американский ученый принципиально отходит от свойственной советскому марксизму “непримиримой классовой поляризации”. Во-первых, социальная макроструктура, по И. Валлерстайну, является трехчленной, с обязательным выделением “среднего слоя (класса)”. В контексте миросистемной теории это позволяет провести очевидные параллели между пространственной иерархией капиталистического мира-системы и его социальной иерархией, где “полупериферия” = “средний класс” стабилизируют “историческую систему” в целом. Во-вторых, И. Валлерстайн приравнивает по значению “социальный класс” и “этнонацию” (она же “этническая, или статусная, группа”) как “две основные формы социальной организации” [1, с. 44-45, 85]. Поэтому национальные проблемы занимают в миросистемном анализе не менее важное место, нежели классовые.

И. Валлерстайн отмечает, что собственно социальные классы являются скорее “относительными” социальными группами по сравнению с более устойчивыми, “универсальными” этнонациями: “...классы не являются какой-то неизменной сущностью. Они скорее формируются, консолидируются, дезинтегрируются или распадаются; и они реформируются. Это процесс постоянного движения, и величайшим препятствием для понимания их деятельности является овеществление” [1, с. 84]. Для И. Валлерстайна классовые формы социальной организации преобладают в момент становления и подъема миросистемы, в то время как “этно-национальное сознание” характерно для периодов упадка и кризиса миросистемы: “Этнонациональное сознание является постоянным прибежищем для всех, кому классовая организация угрожает утратой относительных преимуществ при нормальной деятельности на рынке и в политическом торге, где доминируют классы” [1, с. 89].

Таким образом, социальный класс и этнонация являются социальными формами организации, преобладающими на разных этапах эволюции миросистемы как “исторической системы”. Обе эти формы экономически детерминированы и социально-политически ангажированы. Но для социального класса, как ведущего актора на этапе подъема миросистемы, не существенны культурные маркеры своей “экзистенции”, в то время как для этнонации, как актора на этапе упадка миросистемы, культурные символы являются крайне важными для сохранения своего привилегированного положения в условиях ограниченности и/или уменьшения жизненных благ и экономических ресурсов. Культура здесь служит для легитимации социального статуса, который уже невозможно поддерживать насилием или частичным перераспределением дохода в пользу низших классов. Поэтому, анализируя классовое сознание, правомерно говорить о “презентациях” (в терминах теории “ориентализма” Э.В. Саида), ибо здесь речь идет об осознании большой социальной группой объективного исторического процесса и своего места в нем, в то время как этнонациональное сознание является отчасти “презентацией” (относительно высших классов), а чаще всего навязанной извне “репрезентацией” (относительно средних и низших классов). Обосновывая и “воображая” свои “естественные” преимущества как фундамент социальных привилегий, высшие классы неизбежно “конструируют” противоположные себе этничности, легитимируя тем самым определенный социально-политический строй. Такого рода “этничности” со временем становятся самоочевидными “реп-

резентациями” для средних и низших классов. Имея в своей основе культурные начала, этнонации оказываются гораздо более устойчивыми социальными формами по сравнению с социальными классами. На современном этапе кризиса капиталистического мира-экономики этнонация является доминирующей формой социальной организации. Это объясняет обострение национальных конфликтов и популярность научных дебатов по проблемам этничности.

Имплицитно встающую в связи с введением понятия “этнонации” как идеального типа проблему теоретической демаркации национального и этнического И. Валлерстайн решает через соотнесение этих категорий с логикой существования капиталистического мира-экономики, который с середины XIX в. является единственной миросистемой на Земле. Ученый отмечает, что раса, нация и этническая группа являются тремя базовыми типами “народов” в современном мире: “Раса” – категория генетическая, расовая принадлежность имеет четкое физическое выражение во внешнем виде человека [1, с. 89]. “Нация” является категорией социально-политической, неким образом связанной с реальными или потенциальными границами государства. “Этническая группа” – культурная категория, характеризующаяся рядом особенностей, переходящих из поколения в поколение, этническая группа в теории не имеет привязки к государству и его границам [5, с. 93]. Каждый из этих “типов народов” играет свою роль в формировании и использовании мировых трудовых ресурсов в интересах капиталистической миросистемы. Категория расы, как правило, используется для структурирования рабочей силы и легитимации ее эксплуатации в глобальном масштабе. Категория нации важна для стран центра и особенно полупериферии для консолидации общества и повышения “конкуренентоспособности” национальной экономики за счет государственного ресурса в рамках капиталистической миросистемы. Категория этнической группы структурирует социально-экономические процессы “повседневности” в конкретных государствах, регионах и отраслях экономики.

Последний вопрос следует рассмотреть особо, так как категория “этничности” начинает широко использоваться отечественными учеными, которые склонны проблематизировать ее исключительно в контексте межкультурной коммуникации и социокультурной толерантности. Между тем, по мнению И. Валлерстайна, несмотря на то, что этничность “артикулируется” посредством культурной символизации, фундирована она преимущественно экономической специализацией в рамках глобального капиталистического мира-системы: “В этническом разделении видов деятельности есть немало достоинств. Различные типы производства требуют различных норм поведения рабочей силы. Если это поведение не определяется генетически¹, следовательно, ему следует учить. Рабочая сила должна социализироваться, формируя разумно разнообразное мировосприятие. “Культура” этнической группы есть не что иное как набор правил, действовать в рамках которых родители в процессе социализации обучают своих детей”. Диалектика “этничности” и “национальности” позволяет капитализму сохранять свое социальное “единство в многообразии”, периодически осуществлять “реструктуризации” в рамках “мирового рабочего класса” и максимально эффективно использовать различные трудовые ресурсы. В данном контексте И. Валлерстайн подчеркивает: “Постоянное появление новых этнических групп, реструктуризация и исчез-

¹ “Генетическое” здесь сродни понятию “габитуса” П. Бурдьё – культурной нормы, доведенной социумом до автоматизма рефлекса.

новение уже существующих обеспечивает гибкость экономического механизма” [5, с. 100].

Опираясь на данный подход И. Валлерстайна, можно резюмировать: подобно тому как социальный класс и этнонация являются двумя формами социальной организации, так и этнонация, как идеальный тип, подлежит феноменализации в двух модусах: “этничность” и “национальность”. На трех уровнях капиталистической миросистемы эти модусы распределяются неравномерно:

- В центре представлены и “национальность”, и “этничность”. Первая позволяет консолидироваться высшим классам и господствующим группам, а вторая обеспечивает отрасли экономики, наиболее разнообразные именно в центре системы, соответствующей рабочей силой, необходимым образом “естественно” квалифицированной и согласной со своим статусом. Именно по этой причине феномен “этничности” в форме разнообразных этнокультурных групп наиболее ярко проявляет себя в государствах центра современной капиталистического мира-экономики: в США и англоязычных странах. Собственно национализм в государствах центра артикулирует себя не столько этнически, сколько этатистски.

- На полупериферии большее значение имеет концепт “национальности”. Государства полупериферии, с одной стороны, озабочены сохранением своего относительно привилегированного статуса в миросистеме по сравнению с государствами периферии. С другой стороны, они стремятся максимально консолидировать общество для борьбы со странами центра. Поэтому национализм полупериферии артикулирует себя как преимущественно этнический национализм. Собственно “этничность” на полупериферии, например в странах Восточной Европы, всегда находится под подозрением и рассматривается как угроза и внешнее вмешательство.

- На периферии доминирует модус “этничности”. Поскольку здесь слабо ощущается влияние феномена “национального”, этничность зачастую проявляет себя не в форме межкультурной коммуникации этнокультурных групп, а в форме трайбализма и острых этнических конфликтов. В последнем нет ничего удивительного, так как при узкой специализации экономики стран периферии здесь невозможно, как в государствах центра, скоррелировать различные экономические сектора с определенными этническими группами. В таких условиях на периферии этнические конфликты есть не статусная конкуренция, но вопрос физического выживания, при решении которого не до сантиментов и соблюдения прав человека.

Предложенная И. Валлерстайном модель “этно-экономической стратификации” современного социума оригинальным образом ставит проблему культуры. С одной стороны, многообразие этнических статусных групп капиталистического мира-экономики предполагает ярко выраженный культурный партикуляризм. С другой стороны, для выполнения своей базовой функции легитимации существующего социально-экономического порядка культурные ценности должны если не являться универсальными, то хотя бы претендовать на универсальность [1, с. 131]. По мнению И. Валлерстайна сама по себе культура стремится к максимальной диверсификации и разнообразию, вплоть до культурной атомизации личности: “Каждый индивид – место встречи большого числа культурных особенностей”. Лишь власть периодически пытается удержать социум от “чистой культурной анархии”: “...определение культуры – вопрос обозначения политических [т.е. связанных с осуществлением власти. – С.Д.] в основе своих границ

пределов угнетения и пределов защиты от угнетения” [1, с. 135-136]. Для И. Валлерстайна культура – это самые надежные скрепы миросистемы, которые формируются позже других (экономических, политических) и удерживают социальную систему от распада, даже когда система уже исчерпалась экономически и ослабела политически: “Капиталистическая мироэкономика выработала определенные системные формы культурного давления для поддержания действия [рыночных] механизмов. Формы давления, которые стремятся дисциплинировать рабочую силу и направить ее в определенное русло, стали называться расизмом и сексизмом. Формы давления, которые стремятся дисциплинировать и направлять в определенное русло мировые кадры профессионалов, или “средние слои”, мы стали называть рационализмом, или универсализмом, или “наукой” [1, с. 113].

В рамках миросистемного анализа не рассматриваются проблемы, связанные с формами культурной манифестации: “большими стилями”, классикой, элитарной культурой, ортодоминантной культурой и т.п. Для И. Валлерстайна единство культуры обеспечивают не они, а идеалы и ценности, “пронизывающие” все партикуляристские формы культуры в рамках определенной “исторической системы”. Это имплицитное интегрирующее начало культуры в рамках определенной миросистемы получило у американского ученого дефиницию “геокультуры”. Этимологически в русском языке подобный концепт вряд ли следует признать удачным. Он отсылает сознание либо к географическим образам, либо к экологическим проблемам, но в миросистемном анализе речь идет скорее о господствующей, ведущей идеологии определенной миросистемы. Для мира-империи такая идеология чаще всего манифестируется в религиозной форме. Для мира-экономики – в идеологической форме. Вводя понятие “геокультуры”, И. Валлерстайн подчеркивает пространственную ограниченность геокультуры как идеологии границами определенной миросистемы, а также ее скрытое, но основополагающее положение относительно всех других культурных явлений и “культурных регионов”. Американский ученый подчеркивает: “Все миросистемы имеют геокультуры, хотя может потребоваться некоторое время, чтобы такая геокультура утвердилась в данной исторической системе. Я использую здесь слово “культура” в смысле, традиционно применяемом антропологами, как систему ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями и наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убедить членов общества в его легитимности” [1, с. 189]. И. Валлерстайн приводит пример двух таких “геокультур”: либеральной (1789 – 1968) и “геокультуры развития” как формы рецепции базовой либеральной геокультуры в странах периферии. Обе из них, по мнению ученого, утратили свое консолидирующее значение в конце XX в. В XVII – XVIII вв. этим геокультурам предшествовали “современность освобождения” и “современность технологии” – “два дискурса и два стремления” Нового времени, которые можно рассматривать как диалектически связанные геокультуры. Либерализм как геокультура смог согласовать эти дискурсы: “В годы между 1815 и 1848 была выработана геокультура, которая была предназначена для продвижения современности технологии, при одновременном сдерживании современности освобождения. <...> Тем самым была создана прочная геокультурная основа, оправдывающая функционирование капиталистического мира-экономики” [1, с. 170-171].

В данном контексте необходимо заметить, что попытка ввести понятие “геокультуры” в социально-гуманитарные науки на постсоветском пространстве, пред-

принятая В.Н. Кузнецовым, имеет мало общего с миросистемным анализом. Согласно исследованиям российского автора, “геокультура – этот смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз” [2, с. 8]. Образно говоря, для В.Н. Кузнецова понятие “геокультуры” имеет субстанциональный, универсальный и гуманистический характер, пытается вместить в себя все положительное, что создано человечеством в сфере культуры. Для И. Валлерстайна “геокультура” функциональна и ограничена рамками конкретной миросистемы.

Насколько позволяют судить тексты И. Валлерстайна, культурный партикуляризм изначально присущ любым миросистемам. Однако миры-империи справляются с задачей культурной унификации, точнее, согласования более успешно, нежели миры-экономики. Особенно тяжело это задача далась современной миросистеме и была решена лишь к середине XIX в.: “Капиталистический мир-экономика экономически и политически функционировал в системе, где отсутствовала геокультура, необходимая, чтобы поддерживать и усиливать эту систему. Последняя, таким образом, оказывалась плохо приспособленной к своим собственным динамическим нагрузкам. Ее можно было бы осмысливать как нескоординированную или борющуюся против самой себя. Постоянная дилемма системы носила геокультурный характер. Это требовало серьезных изменений, если капиталистический мир-экономика собирался процветать и расширяться, как того требовала его внутренняя логика” [1, с. 169]. Как отметил шведский антрополог Джонатан Фридмен, в предложенной И. Валлерстайном модели “перманентного производства этничности” априори возможна лишь культурная гибридизация – “гибридный космополитизм”, но не тотальная культурная унификация, которой так боятся антиглобалисты [6, с. 654].

По мнению И. Валлерстайна, события 1968 г. можно рассматривать как “общемировую революцию”, которая привела к развенчанию и дискредитации либеральной геокультуры капиталистической миросистемы. Мы снова находимся в ситуации отсутствия скрепляющей и легитимирующей историческую систему культуры. Постмодернизм, по мнению И. Валлерстайна, не может претендовать на эту роль, так как, по сути, возвращает геокультуру к антиномии XVIII в. Постмодернизм есть “способ отрицания современности технологии во имя современности освобождения”, хотя и изложенной в весьма причудливой форме, чтобы полностью порвать с либеральным дискурсом [1, с. 185].

Заключение

Таким образом, “миросистемная теория” И. Валлерстайна предрекает нам многочисленные экономические кризисы и социально-политические проблемы. Большинство из них будет проходить в “этнонациональных” формах. В перспективе произойдет неизбежное становление новой миросистемы, возможно, но не обязательно лучшей, нежели современный капиталистический мир. Однако И. Валлерстайн не рассматривает сценарий, который самым логичным образом вытекает из его оригинальной теории. Большинство миров-экономик прошлого, столкнувшись с социально-экономическими проблемами, трансформировались в миры-империи. Нынешний глобальный капиталистический мир-экономика – единственная миро-

система на планеце – можа пайці гэтым жа шляхам. Вядома гэта очевидны і найбольш прасцей шлях захавання прывілежаванага становлення для дзяржаў цэнтру мірасістэмы. Тады ХХІ век стане сведкам нараджэння першага глабальнага міра-імперыі ці, што больш верагодна, некалькіх мірав-імперыяў, падзяліўшых наследства капіталістычнага міра-эканомікі. Вядома не выпадкова рознага роду “імперскія” даследаванні атрымліваюць такую папулярнасць у сучасных сацыяльна-гуманітарных навуках.

СПІСОК ІСПОЛЬЗОВАННЫХ ІСТОЧНІКАВ

1. **Валлерстайн, І.** Аналіз міравых сістэм і сітуацыя ў сучасным свеце / І. Валлерстайн ; пад рэд. Б.Ю. Кагарліцкага. – СПб. : Ізд-во “Універсітэцкая кніга”, 2001. – 416 с.
2. **Кузнецов, В.Н.** Геокультура: Асновы геакультурнай дынамікі бяспекнасці ў свеце ХХІ: Культура-Сеть / В.Н. Кузнецов. – М. : Кніга і бізнес, 2003. – 632 с.
3. **Рахманов, А.Б.** Сучасныя тэорыі глабальнага грамадства: І. Валлерстайн, Дж. Моделска, Дж. Гольдстайн / А.Б. Рахманов // Вестнік МГУ. – Сер. 18, Сацыялогія і паліталогія. – 2003. – № 2. – С. 85–126.
4. **Бродель, Ф.** Врэмя міра. Матэрыяльная цывілізацыя, эканоміка і капіталізм, XV – XVIII вв. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3. – 680 с.
5. **Балібар, Э.** Раса, нацыя, клас. Двусмысленныя ідэнтычнасці / Э. Балібар, І. Валлерстайн. – М. : Логос-Альтэра, 2003. – 272 с.
6. **Friedman, J.** Globalization, Class and Culture in Global Systems / J. Friedman // Journal of World-Systems Research. – 2000. – Vol. VI. – № 3. – P. 636–656.